

Бегом за черным псом

МАРК
Т. ДЖЕЙМС

A watercolor illustration of a runner and a black dog on a path through a vineyard towards a Tuscan villa. The scene is set in a warm, golden light, suggesting sunrise or sunset. The runner, seen from behind, is wearing a blue long-sleeved shirt and black shorts. The black dog is running alongside him. The path is a light-colored dirt road that winds through rows of grapevines with yellowing leaves. In the background, a large, multi-story villa with a red-tiled roof and a small tower sits on a hill, surrounded by more trees and rolling hills under a hazy sky.

иногда стоит свернуть
с правильной дороги, чтобы найти свою

Шаг навстречу себе. Книги для тех, кто забыл зачем живёт

Марк Т. Джеймс

**Бегом за черным псом. Иногда
стоит свернуть с правильной
дороги, чтобы найти свою**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Джеймс М.

Бегом за черным псом. Иногда стоит свернуть с правильной дороги, чтобы найти свою / М. Джеймс — «Эксмо», 2022 — (Шаг навстречу себе. Книги для тех, кто забыл зачем живёт)

ISBN 978-5-04-252010-5

Более 1000 восторженных отзывов. Для тех, кто ищет путь к себе. Отказавшись от успешной карьеры и вялотекущих отношений, Марк сбегает из родного города в итальянскую глушь без денег, планов и цели. С ним только старый мотоцикл, беговые кроссовки и черный пес, который не даёт ему сидеть на месте. Среди бесконечных виноградников и крутых холмов Марк поймет, как рухнувший мир можно собрать заново, если найти в себе смелость сделать первый шаг. Это книга о беге, который лечит душу. О любви, которая приходит, когда меньше всего ее ждешь. И о возможности начать заново, которая дается тогда, когда ты готов отпустить контроль и просто бежать вперед.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-252010-5

© Джеймс М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марк Джеймс
Бегом за черным псом. Иногда
стоит свернуть с правильной
дороги, чтобы найти свою

Mark T. James

LA GIOIA DI CORRERE IN SALITA

© FullDay srl, 2022

Published in agreement with ELKOST International Literary Agency and jr literary agency

© Гармашова Ю., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Я стою на вершине холма в день своего тридцатишестилетия. Подо мной простираются бескрайние виноградники Ланге¹ – края, который еще несколько месяцев назад я с трудом отыскал бы на карте. Почему я здесь, а не в каком-нибудь дорогом ресторане Лондона? Где моя девушка Сьюзан? Почему вместо нее рядом со мной сидит собака, которая смотрит на меня и виляет хвостом?

Как я, Марк Т. Джеймс – метр восемьдесят четыре, сорок седьмой размер ноги, компьютерный гений с двумя степенями Оксфорда – оказался в этой глуши без компьютера и в красных беговых кроссовках?

Я на единственной площади коммуны Момбаркаро, почти в самой высокой точке Ланге, откуда – просто невероятно! – видно море. Лодки лигурийских рыбаков словно прямо здесь, подо мною – если измерять расстояние биением сердца, а не километрами. Отсюда и название деревеньки: гора (monte) и лодочники (barcari).

А море – вот оно: переливается сквозь обнаженные зимой и ветрами ветви деревьев. Я вижу его вдаль – или только его отблеск, и меня охватывает радостное волнение.

Оглядываюсь и читаю надпись на табличке: Площадь Свободы. Невольно улыбаюсь. Неужели я добежал до свободы? Не знаю. Знаю только, что добрался сюда бегом, в горку.

Надо мной кристально чистое небо. Поднимается ветер, я делаю вдох и чувствую солоноватый запах. Это ветер принес сюда, на самый верх, соленый морской воздух, он наполняет легкие, и его порывы становятся все сильнее. Я укрываюсь от ветра в пустом баре. Собака устраивается под столом у моих ног. Бармен встречает меня улыбкой и фразой «Добро пожаловать», словно ждал меня.

Сквозь панорамные окна пробивается солнце. Я наслаждаюсь его теплом и чувствую, как по телу разливается та особая радость, которую дарит каждый подъем в гору.

Прошу воды, а бармен приносит еще и бокал бароло².

Нелегко объяснить и тем более понять, как я оказался в Ланге. Может, дело в том червячке, что годами подтачивал меня изнутри? Ведь в Лондоне у меня все шло как по маслу, все давалось легко: жизнь катилась по наезженной колее без малейших препятствий...

¹ Ланге – историческая область в Италии, на юге Пьемонта, расположенная между провинциями Кунео и Асти, столица – город Альба. 22 июня 2014 года виноградные ландшафты Ланге были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

² Бароло – элитное красное сухое вино из итальянского региона Пьемонт, производимое 100 % из сорта винограда неббиоло.

Глава первая

– Тебе что, трудно хоть раз сделать что-то по-другому? – спросил Ник.

Он считал, что новизна нас подпитывает, а привычки опустошают: если вечно делать одно и то же, превратишься в пустое место. Для меня же все было ровно наоборот: я крепко держался за свои привычки и терпеть не мог перемен – кроме тех, что случались за компьютером.

– Ты о чем?

– Я о нашей с тобой прогулке. Давай выберем другое место или другой день.

– Вторник после обеда – единственное время, когда я свободен. – У меня в руке завибрировал телефон, я глянул на экран: ладно, ничего срочного. Остановившись у памятника Веллингтону, мимо которого мы проходили каждую неделю, я еще раз утвердительно сказал: – Прости, Ник, но я могу только во вторник. К тому же Гайд-парк в паре шагов от моего дома.

– В Сент-Джеймском парке есть белки. Сядь на мотоцикл – и через пять минут будешь там.

– Ник, я езжу на мотоцикле только по воскресеньям, ты же знаешь.

И я тут же представил себя «в седле» – мчусь прочь из Лондона по проселочным дорогам и, убедившись, что меня никто не видит, снимаю шлем, чтобы почувствовать, как ветер бьет в лицо. Мой боевой конь. Мой мотоцикл. Чтобы описать мой Brough Superior SS100 1928 года, понадобилась бы целая глава, а чтобы объяснить, что он для меня значит, пришлось бы обнажить душу.

Мотоцикл принадлежал еще моему прадеду. Тот дал ему имя – Долли – и говорил, что это его любимая подружка. Мне было лет одиннадцать, когда он сказал, что Долли достанется мне, и вписал ее в завещание. Вскоре он умер – это было самое страшное горе в моей жизни. Впервые сев «в седло», я заревел белугой: мотоцикл стал моим, но какой ценой. Утешало одно – каждый день начищать Долли до блеска, как учил прадед. Я полировал ее, заводил, прислушивался к ней, ласкал словами, а она в ответ трепетала в предвкушении приключений.

У прадеда был закадычный друг – Томас Эдвард Лоуренс, археолог и офицер разведки, тот самый Лоуренс Аравийский. Они вместе рассекали по проселочным дорогам Дорсета, каждый на своем Brough Superior, и часто менялись железными конями – мотоцикл Лоуренса был на несколько лет старше Долли. Годы лихих поездок, одна из которых закончилась трагически. Не для моего прадеда – тот вскоре после похорон друга стал католиком, единственный в семье англикан. Он говорил мне: «Хочешь гонять на мотоцикле – гоняй по воскресеньям, под крылом ангелов, настоящих, тех, что изображены в католических церквях». Я возражал: «Но ведь Лоуренс погиб в воскресенье». А он отвечал: «Вот именно».

Ник тем временем не унимался:

– Так что, приедешь на мотоцикле в Сент-Джеймский парк? Всего-то разок...

– Ник, прости, но по вторникам я не езжу на мотоцикле. И в другие дни тоже.

Я седлал Долли только по воскресеньям – это был мой личный ритуал, только мой. И я гонял. Как прадед.

Но Ник не сдавался:

– Да ладно тебе, хоть раз прокатись в другой день. – Он умел быть упорным и кого угодно мог довести до иступления, лишь бы получить свое. – Там водятся белки, понимаешь? А значит, у деревьев совсем другой запах, другая листва, даже ветер и вибрации другие. – И он пустился в пространные рассуждения о том, что леса с белками куда больше наполнены жизненной силой, чем леса без белок.

– Сюзан позавчера сфотографировала белку. Прислала мне снимок. – Я ткнул ему телефоном под нос и с безразличным видом добавил: – Вот, смотри. Теперь доволен?

– Хватит издеваться, – Ник презрительно отвернулся. – Я говорю серьезно.

Было заметно, как его бесило, что я вечно держу телефон в руках:

– Спрячь наконец эту штуковину в карман. Сколько можно!

Он зашагал вперед, не говоря больше ни слова. Обиделся. Меня всегда поражало, как легко его задеть. Мы продолжали идти молча. Ник – опустив голову, с видом оскорбленного достоинства. И это он-то – знаменитый скрипач, за которым охотятся лучшие оркестры мира.

– Брось, Ник... Я же пошутил!

Я уже пожалел о сказанном. Нельзя тыкать телефоном с фотографией белки в лицо лучшему другу, который убежден, что дерево становится настоящим деревом, только если на нем живут белки.

– Прости, я повел себя как придурок. Ты же знаешь – деревья, белки и вся эта природа никогда особо меня не интересовали. Я не собирался над тобой издеваться.

– Ладно, – буркнул он. – Хотя ты и правда редкостный придурок.

Через секунду он снова остановился и посмотрел на меня исподлюбья, словно я был паритурой, написанной бездарью:

– Но вот что я хочу знать... Ты доволен своей жизнью?

– В каком смысле?

– В смысле: чего ты хочешь достичь?

– Я?

– Посмотри на себя, Марк, – Ник презрительно хмыкнул, – ты даже ответить не можешь.

Стояла поздняя зима, солнце светило тускло, но я этого не замечал. В кармане снова завибрировал телефон – вот он, мой ответ, – в телефоне, в компьютере, в моей работе брокера. Я – Волк, как тот, с Уолл-стрит, и я почти на вершине успеха.

Многие спрашивают, как я умудряюсь дружить с таким типом, как Ник Левине. Он, конечно, выдающийся музыкант, но при этом редкостный зануда – из тех, что придираются к каждому твоему слову или поступку. Словом, зануда из зануд. Сюзан его терпеть не могла, и, если я приглашал его к нам на ужин, она выдумывала кучу неотложных дел или жаловалась на мигрень, требующую полного уединения. Впрочем, Ник тоже не был от нее в восторге – он считал ее слишком заносчивой и, когда я их познакомил, отвел меня в сторонку и первым делом спросил, взял бы я ее с собой покататься на мотоцикле.

Я ответил, что Сюзан ни за что не сядет на мотоцикл, и он со своей фирменной ухмылкой заметил: «Вот именно!»

Но дело в том, что для меня Ник – это просто Ник, и все. Примерно через месяц после смерти прадеда в нашем классе появился новичок – косоглазый, с желтоватой кожей, далеко не худой и с постоянной гримасой отвращения на лице, словно только что наступил в сточную канаву. Николас Ул. Левине. Учитель сообщил нам, что этот парень – математический гений, и, чтобы окончательно нас очаровать, добавил, что в свои одиннадцать с половиной лет он еще и выдающийся скрипач. Ребята попытались его задирать, но ответные удары локтями и коленями быстро дали понять, что Ник еще и чемпион по тайскому боксу.

Он стал моим соседом по парте. За целый месяц мы не сказали друг другу ни слова – я славился молчаливостью. И тогда еще не знал, что моя тетя и его отец работают вместе в университете и что тетя рассказывает его отцу обо мне абсолютно все, а тот передает Нику. Он знал обо мне кучу всего, а я о нем – ничего.

Однажды утром на уроке немецкой литературы Ник подсунил мне записку, нацарапанную корявым почерком: «Когда ты прекратишь ныть из-за прадеда?» А следом вторую: «Не собираешься же ты вечно быть размазней».

Бог знает почему, но эти слова подействовали на меня как целительный бальзам: за кажущейся грубостью я разглядел неожиданное участие – ко мне и к боли, которая меня разъедала. Кто, кроме прадеда, вообще когда-либо замечал мое существование?

Вскоре я перестал чувствовать себя самым несчастным человеком на свете и с облегчением того, кто будто заново научился дышать, написал на обороте первой записки: «Еще неделя – и все», а на второй: «Ни в коем случае». И передал обе Нику с той небрежностью, какая обычно бывает между старыми друзьями.

Ровно через неделю Ник появился ко мне домой с охапкой книг и тетрадей, объявил моей ледяной тете Дафне, что теперь будет приходить каждый день делать со мной уроки, и, когда она, не сказав на это ни слова, повернулась к нам спиной, бросил ей вслед: «Du alte Hexe»³. Тетя сделала вид, что не расслышала, хотя немецкий был ее родным языком, и Ник об этом прекрасно знал.

С того дня в моей жизни многое изменилось. Взять хотя бы то, что Ник сумел объяснить мне математику, и мои катастрофические оценки взлетели до небес, а я в свою очередь научил его любить Историю – именно с большой буквы, – которую Ник, к моему полному недоумению, находил смертельно скучной.

Ник всегда был мастером с инквизиторским видом задавать неожиданные вопросы. Он выбивал меня из колеи, и чаще всего я не знал, что на них ответить. Так случилось и в тот день.

– Что бы ты ответил на моем месте?

– На твоём месте? – он покачал головой с добродушной улыбкой, словно я спросил полную чушь. – То есть если бы я был тобой? – Еще одна снисходительная улыбочка. – Ты правда хочешь, чтобы я поставил себя на твоё место?

– Да, давай. – Надо было очень его любить, чтобы не послать к черту.

– Будь я тобой, я бы выкинул на помойку маску человека, которому все дается легко, и выбрал бы другую...

– Какую?

И тут я вздрогнул: что-то теплое и мягкое прыгнуло мне на ногу и вцепилось мертвой хваткой, восторженно мыча: «Папочка! Папочка!» Сколько ему было? Года три? Не знаю, я ничего не смыслил в детях, но наклонился к морковному хохолку, покачивающемуся у моих колен. На пухлом личике читалось торжество охотника, поймавшего добычу. Малыш продолжал бормотать «папочка, папочка», а его десять стальных пальчиков впивались мне в бедро.

– Но...

Он ответил на мою натянутую улыбку, пуская слюнявые пузыри от счастья.

– Простите! – к нам неспешно приближался здоровяк в шортах с броскими заплатками и футболке с надписью «Это был я», при этом он хохотал как безумный. – Отвернешься на секунду, а этот чемпион уже дает деру, да, Фил? – Он подхватил малыша, прижал к груди и откинул голову назад, чтобы тот не ткнул ему пальцами в глаза, продолжая восторженно лепетать: «Папочка! Папочка!»

– Все из-за вашей байкерской куртки, – парень кивнул на мою куртку. – У меня точно такая же, – он погладил сына по вихрам. – Он еще маленький, вот и перепутал... Хотя ваша постарше моей будет... Что за байк у вас? – спросил он снисходительно, словно заранее был уверен, что мой мотоцикл по сравнению с его – просто рухлядь.

Я назвал модель, и смех оборвался.

– Черт возьми! – присвистнул он сквозь зубы, подозрительно меня разглядывая, будто я вру. Развернулся уходить, и малыш потянулся ко мне через его плечо, помахав ручкой: «Пока, папочка!»

– Так и не понял, зачем ты таскаешь эту старую байкерскую куртку, даже когда не садишься на мотоцикл, – сказал Ник. – Или мне стоит заподозрить, что ты вместо десяти часов за компьютером тайком рассекаешь на своей Долли?

Я пожал плечами и промолчал.

³ «Старая ведьма» – Пер. с нем.

Немного погодя он продолжил:

– А сопляк довольно милый. – Ник не мог упустить случай съехидничать.

– Такого сына хотел бы каждый, – продолжил я его мысль, прекрасно понимая, к чему он клонит.

– Да ну?! – он изобразил нарочитое недоверие.

– А то!

– А тот парень? – не унимался Ник. – Мистер «Это был я»? Наверняка хороший отец и семьянин... И ты заметил? Он намного моложе нас. В особенности тебя.

– Хочу тебе напомнить, что между нами всего пара месяцев разницы.

– А тебе не хочется своего ребенка? – В этот момент Ник был невыносим. – Ну так что? Чему бы ты учил своего карапуза?

– Философии Платона, наверное, – ответил я с серьезным видом. И на миг задумался.

– Или как играть на бирже... – продолжил Ник, с трудом сдерживая смех.

К воротам парка мы возвращались молча.

– Слушай, – сказал я наконец перед тем, как попрощаться. В голове крутился один вопрос. – Ты так и не сказал, что, по-твоему, мне следует делать после того, как я все брошу к чертям.

– Я тебе не лайф-коуч⁴, – ответил он с раздражением. – Сам думай.

Мы холодно попрощались. С Ником такое случалось время от времени. Нечасто, но бывало. Впрочем, наша дружба выдерживала и не такое – и мы оба об этом знали.

Я возвращался домой пешком, мысленно уже сидя за компьютером и думая о работе, которая меня ждала.

⁴ *Лайф-коуч* (life coach – «тренер жизни», пер. с англ.) – специалист, который помогает клиентам ставить личные и профессиональные цели, находить внутренние ресурсы и составлять план действий для улучшения качества жизни.

Глава вторая

По вторникам я гулял с Ником, а по средам мы со Сюзан обычно устраивали у себя дома этнические ужины: каждую неделю новая кухня, только мы вдвоем. Наша кухарка готовила эти блюда с педантичной точностью и чередовала их неделю за неделей, начиная цикл заново: вьетнамская, индийская, японская... По пятницам мы встречались с коллегами – каждый со своими, субботу отводили под шопинг и светские мероприятия. Программа завершалась в воскресенье вечером визитами к родственникам: мы через раз навещали то тетю Дафну, то родителей Сюзан.

Объединить эти два мира было невозможно – тетя и эта парочка прожигателей жизни были абсолютно несовместимы. Тетя Дафна называла их нуворишами. А родители Сюзан говорили о тете как о желчной ханже и снобе. Когда Сюзан знакомила меня со своими родителями, мы подняли тост шампанским *Veuve Clicquot*⁵, которое стоило целое состояние. Когда же тетя Дафна соизволила познакомиться со Сюзан, она угостила нас чаем – без единого канapé или печенья, – усадив в полутемной гостиной, где за нашими спинами висели два подлинника Рембрандта, единственные уцелевшие картины из коллекции деда, в свое время пущенной по ветру моими родителями.

Тетя Дафна всегда вела себя так, будто скупость – это добродетель. Прадед подшучивал над ней и корил за скардность.

Родители Сюзан меня жалели: они были убеждены, что я сирота и потому с детства жил у тети. Я не стал их разубеждать, в глубине души понимая, что правда вызвала бы еще большую жалость: мои родители бросили меня на родственников ради собственной беззаботной жизни и промотали семейное состояние в погоне за призрачными идеалами хиппи.

Прогулка с Ником не выходила у меня из головы весь вечер и весь следующий день. В ту среду у нас был вьетнамский ужин. О Вьетнаме моя Сюзан знала только то, что там едят спринг-роллы, и почти ничего больше. Поначалу я пытался рассказывать ей о той или иной стране, ее истории и традициях, но Сюзан все это не интересовало, и она быстро переводила разговор на последний модный показ, который посетила, или на статью, над которой сейчас работала.

В тот вечер Сюзан была особенно прекрасна. У нас уже вошло в привычку, что к нашим восточным ужинам она наряжалась и красилась, словно собиралась на прием во дворец, но в ту незабываемую среду она выглядела просто ослепительно: серебристое платье – длинное, облегающее, подчеркивающее стройную фигуру, – серьги в виде змеек и еще что-то, возможно новые духи. Словом, атмосфера была пьянящей, и я безумно ее желал. Всей душой. Садясь за стол, я готов был предложить ей забыть про ужин и отправиться прямиком в спальню, но вместо этого – не знаю, какой бес меня дернул – сказал совсем другое. А когда с языка вдруг срываются слова, которые ты и не думал говорить, – это, если верить греческим мифам, Гермес пролетел мимо и отвесил тебе подзатыльник.

– Почему бы нам не завести ребенка? – вот что слетело с моих губ. Я сам удивился своему вопросу, хотя он, надо признать, имел прямое отношение к желанию немедленно стащить с нее это русалочье платье.

– В смысле? – переспросила она, словно я изъяснялся на каком-то неведомом языке. И, подняв свои прекрасные глаза от рыбного супа с имбирем, повторила вопрос: – Ты о чем?

Казалось, она вообще ничего не понимает.

⁵ *Veuve Clicquot* (Вдова Клико) – всемирно известный премиальный бренд французского шампанского, производимый в Реймсе с 1772 года.

– Я говорю о ребенке. – И поскольку ожидал от нее большего энтузиазма, не удержался и добавил: – Ты же знаешь, что такое дети?

– Здесь? – спросила она.

На этот раз она все прекрасно поняла, потому что подняла руку и изящным жестом обвела комнату – белый кожаный диван, витрину с коллекцией китайского фарфора, дизайнерские светильники, которые, казалось, могли треснуть от одного взгляда, хрустальные вазы с розами.

– Здесь? – повторила она, широко распахнув глаза. Затем она покачала головой и, глядя на меня с укором, произнесла: – Ты забыл, что я вот-вот получу должность главного редактора?

Сьюзан принялась в подробностях объяснять, что ее генеральный директор – тот еще мерзавец, он ни за что не назначит на должность женщину с животом, пигментными пятнами на лице, приступами тошноты и – о ужас! – может быть, даже отеками лодыжек. И с важным видом подытожила:

– У нас не журнал для домохозяек!

Потом она сделала несколько глотков и добавила:

– Нет, милый, сейчас не время. И если честно, я просто не представляю тебя встающим каждые пять минут из-за компьютера, чтобы приготовить смесь.

Я хотел было возразить, что мы найдем няню, даже двух. Что при наших доходах мы можем позволить себе дневную и ночную няню, можем позволить себе все что угодно, хоть сейчас переехать в другой дом. Но промолчал. Чего я ожидал? Что она бросится мне на шею со словами, что только об этом и мечтала? О чем я вообще думал? И все же да, именно так я себе это и представлял.

Мы доели ужин – я молча, а Сьюзан пыталась меня развеселить, с присущей ей иронией рассказывая о кознях коллег обоего пола и о том, как ей удастся их обходить. Чувства юмора ей было не занимать, как и проницательности – и умения в два штриха набросать карикатуру на любого, кто не вписывался в ее картину мира.

– Так везде, – заявила она, посерьезнев, – но особенно в престижных модных журналах вроде моего. Знаешь, каковы женщины? В нашей редакции их большинство, и мы терпеть друг друга не можем. Просто ненавидим. Никакого сестринства – только и следи, чтобы кто-нибудь не подсыпал яду в кофе. Стоит мне хоть на секунду расслабиться – прощай, заветное кресло. Говорю тебе, милый, я не могу позволить себе отвлекаться. Ни на что.

Когда мы целомудренно улеглись в постель – она в длинной ночной сорочке, – Сьюзан положила голову мне на плечо:

– Рано или поздно у нас будет ребенок! Вот увидишь, Марк, обязательно будет, но не сейчас. – И, зевнув, добавила: – Неужели ты и правда хочешь ребенка? Ты совсем не похож на человека, который мечтает стать отцом. Ты же не шутил?

Я не стал объяснять ей, что без секса – а его в тот вечер, как и во многие другие, у нас не было – нам вряд ли удастся завести ребенка, ведь детей не в капусте находят. К тому же надо признать, что я и сам чувствовал полную растерянность в этом вопросе. Полнейшую.

Она безмятежно спала, повернувшись ко мне спиной, а я лежал без сна, глядя в темноту. И глубоко внутри чувствовал: что-то не так. Я никак не мог выбросить из головы вопросы Ника и его многозначительные взгляды. И не понимал, что со мной происходит, но точно знал: что-то точно было не в порядке. Словно слышал какой-то скрип – едва уловимый, неясный, тревожный. Не помню, удалось ли мне в ту ночь заснуть. Знаю только, что без пятнадцати пять, как и каждое утро, с чашкой кофе в руке я уже сидел перед монитором. Токийская биржа открывается в пять.

Глава третья

За той незабываемой средой последовал не менее памятный четверг. Грандиозный, не постижимый, роковой четверг.

Каждый четверг вот уже много лет ровно в пять часов вечера я распахивал двери финансового агентства Toys & Bulls, где работал. Офис располагался на втором этаже старого здания почти напротив музея, в самом центре лондонского Сити. Обшарпанная мебель, облупленные стены, выщербленная плитка на полу – все это наводило на мысль, что ты попал в логово неудачников. Как бы не так! Toys & Bulls было самым жестким, самым ловким, самым акульным финансовым агентством, а я – говорю это без ложной скромности – главной его опорой. Хотя надо признать, что и мои коллеги справлялись со своими обязанностями весьма достойно.

Владельцем агентства был прожженный делец по имени Чиспи. Нос у него был как у боксера – из тех, кому серьезно досталось лишь однажды, а потом всю карьеру раздавал сам. И смотрел он на тебя всегда с таким выражением, словно ты пытаешься залезть к нему в карман. Когда после традиционного четвергового совещания он наливал тебе выпить, то умудрялся дать почувствовать себя мальчишкой на побегушках, которого удостоили великой чести.

В тот четверг я с порога почувствовал в воздухе что-то необычное, что-то, о чем знали все, кроме меня. По крайней мере пока. Переглядывания, тычки локтями, ухмылки – все это проскальзывало между шутками и дежурными разговорами о ситуации на рынках.

Пока наконец Чиспи не щелкнул сигарой у меня над ухом – к счастью, он ее не курил, а просто держал в зубах во время каждой нашей традиционной выпивки. Потом вытянул руку и ткнул пальцем в мою сторону.

– Мой дорогой Марк, – начал он, – у меня для тебя новость.

Мы прошли в переговорную, подальше от длинного стола, заставленного разноцветными стаканами, подносами с закусками и бутылками – все было готово к празднику. В комнате, как всегда, пахло затхлостью и горелым луком.

– Приходится терпеть, – любил повторять Чиспи. Он был убежден, что такой офис только добавляет нашей репутации пиратского шарма.

Я устроился боком в своем личном плетеном кресле, которое купил специально, чтобы не садиться на расшатанные табуреты, имевшиеся в общем пользовании. Новость для меня? Да я всегда был в центре всех событий агентства, главным действующим лицом в самых крупных сделках. Дайте мне деньги – и я их приумножу. Вот уже много лет, прежде чем в пять утра сесть за компьютер, я начищал до блеска свои антенны, оттачивал чутье, приводил в порядок мозги – мое главное достояние. Разве я хоть раз дал маху? Никогда. Но в тот день у меня было ощущение, что от моего внимания что-то ускользнуло. Почему мне до сих пор ничего не сказали?

Тут вошли все остальные и уставились на меня.

– Почему бы тебе не сообщить новость нашему чемпиону? – Чиспи вынул изо рта незажженную сигару. – Давай, Гермiona, скажи ему.

Остальные молчали.

Что, черт возьми, происходит? Агентство разорилось? Но все улыбались, кое-кто даже посмеивался, словно ничего не случилось. Чиспи продал бизнес? Нас перекупили? Или, точнее, купили агентство вместе со всеми, кроме меня? Как такое возможно? Я же лучший...

– Давай, Гермiona.

– Сказать ему? – хихикнула Гермiona. Она работала не брокером, а личным секретарем босса, а значит, была королевой агентства. Красавица, всегда элегантная, порой чересчур кокетливая, но отнюдь не глупышка. Совсем наоборот. В своем деле она была безупречна. Гермiona быстро поняла, что не интересуется меня как женщина, и со временем мы стали почти

друзьями. Она любила надо мной подтрунивать, мы иногда обменивались шутивными комплиментами, но никогда не переходили черту. Ник утверждал, что я ханжа и что она точно в меня влюблена, но мне было все равно – я любил Сьюзан, а Гермiona была просто коллегой: очень красивой коллегой, но не более того.

– Мне выпала честь ему объявить? – повторила она и бросила на меня один из своих взглядов. – Да ну, шеф, – так она называла Чиспи, – скажи сам, мне-то Марк не поверит, – и подмигнула.

Ладно, явно намечалось что-то серьезное, и я уже начинал злиться – у меня была гора работы. К чему эта пустая трата времени?

– Тогда давайте покончим с этим, – прогремел Чиспи, выпрямился во весь свой внушительный рост и изобразил на лице то, что должно было сойти за широкую улыбку. – Теперь мы с тобой партнеры, Марк, – объявил он. – Ты и я – партнеры, – подчеркнул он с удовлетворением. – Мне нужен был компаньон, и я выбрал тебя, да-да. Все здесь с этим согласны. Партнер, понимаешь? С сегодняшнего дня. Решение принято.

– Что? – я не был уверен, что правильно расслышал. – Партнеры?

– Ну да!

– Партнеры?

– Партнеры. Я и ты!

Он и правда мне это предлагал. Вернее, уже все за меня решил.

Я мгновенно оцепенел. Так всегда бывало: едва эмоции пытались взять верх и унести меня неведомо куда, как я превращался в глыбу льда. В айсберг. Становился Арктикой и Антарктидой, вместе взятыми.

Так случилось и со Сьюзан, и во множестве других важных моментов моей жизни. Как сейчас, когда мне предлагали стать партнером Toys & Bulls. Стать партнером Toys & Bulls – это чертовски круто. Не буду вдаваться в подробности и объяснять значение такого предложения, но в тот момент я отчетливо понимал все открывающиеся передо мной перспективы до единого нюанса. Я сидел в своем плетеном кресле, застывший, вмерзший в собственный лед. Следовало вскочить, схватить бутылку, на этот раз самому налить шампанское Чиспи и закричать, что я счастлив. Следовало ликовать, ведь это грандиозный успех, и гордиться собой – я так много работал ради этой цели.

Но я не ликовал, не разливал шампанское и не выказывал никаких эмоций. Только сказал:

– Черт возьми... Вот уж не ожидал.

С нарочитым спокойствием я поднялся с места. И тут же почувствовал, что как будто стал выше на целую голову. Слишком высоким и в центре всеобщего внимания, которого в тот момент совсем не хотел.

– О, смотрите! – Гермiona включила свою проницательность. – Делает вид, что ему все равно, но готова поспорить – он сейчас разрыдается от счастья.

И тут же зааплодировала, а с ней и Чиспи, громко отбивая ладони, и все остальные. Тогда и я начал хлопать, мы все хлопали и хлопали без конца, и со всех сторон неслись поздравления. Кто-то бросил «соболезную» – я не сразу понял кто. Если подумать, возможно, та же Гермiona.

Потом с видом хозяйки положения она велела стажеру, который работал в агентстве всего несколько месяцев, освободить стол и водрузила передо мной бутылку шампанского:

– Эту откроешь ты, – и раздала всем чистые бокалы.

Потом, оглядев присутствующих с видом человека, который знает обо мне больше меня самого, заявила:

– Видите, как он успел измениться? Всего десять минут в роли будущего партнера, а он уже чувствует себя слишком крутым – с этой его цыганской физиономией и каштановыми кудрями...

В этот самый момент мне удалось наконец выбить пробку из бутылки. Я с аптекарской точностью разлил шампанское по бокалам, не пролив ни капли. Плеснул стажеру, не забыв посмотреть ему в глаза, чтобы и он почувствовал себя частью команды, а не просто мальчишкой на побегушках.

Налил Чиспи – тот мгновенно осушил бокал и потянулся за добавкой. Я открывал бутылку за бутылкой и продолжал разливать. Рука не дрогнула ни разу. Полный самоконтроль. Тосты следовали один за другим.

Когда я наполнял бокал Гермiony, она шепотом подколола меня:

– Уже играешь в босса, да? – Затем отвернулась и кивнула Чиспи.

Тот кивнул в ответ и снова протянул мне пустой бокал:

– Мы сделали это, Марк! – радостно прокричал он, уже изрядно захмелевший, как и все остальные. – Сделали!

– А вот и договор, – Гермiona властно кивнула стажеру, и тот торжественно водрузил на стол прямо передо мной небесно-голубую папку с документами. – Держи, это все твое, шеф, – прошептала она.

Нет, мне совсем не хотелось, чтобы она называла меня шефом.

– Документы для изучения, – потом она медленно растянула мое имя. – Мааарк... – и добавила: – Учти, ты еще не партнер. Станешь им, только когда все это подпишешь... – словно говоря: «А пока особо-то не зазнавайся».

– Я специально выбрала голубую папку, – продолжила она, опершись о край стола и скрестив руки на груди. – Есть в этом что-то метафизическое, не находишь? Какая-то трансцендентность, – произнесла она с издевкой, жестикулируя словно ведьма, накладывающая заклятие.

Я поставил бокал на стол.

– Великий момент, – снова произнесла она.

Чиспи встал рядом, и оба уставились на меня.

Остальные не обращали на нас никакого внимания, болтая между собой. Казалось, в переговорной остались только я, Чиспи, Гермiona и эта голубая папка с документами, ждущими подписи. Партнер.

Я протянул руку, чтобы открыть ее и заглянуть внутрь.

– Десять лет, Марк, – сказал Чиспи. – Таков период нашего соглашения, понял? Я предлагаю тебе партнерство на десять лет. Солидный срок и весь в нашем с тобой распоряжении.

– Десять лет? – спросил я со странной интонацией, а потом зачем-то повторил за ним, будто не расслышал: – Десять лет?

– Ну да, – воскликнула Гермiona. – Десять лет партнерства в агентстве.

Я поймал ее взгляд. Мне показалось, что она насмехается надо мной. Или я ошибался? В тот момент мне было сложно разобрать.

– Десять лет, – кивнул я, словно до меня наконец дошло.

– Знаешь, что такое десять лет? – спросила она.

– Приличный срок, – я улыбнулся, давая понять, что совсем не против.

– Десять лет – это живот побольше и волос поменьше, – торжественно вынесла вердикт Гермiona.

– Что, прости?

– Прибавка в талии и дефицит волос.

Я уловил в ее словах иронию, но понимал, что шутит она лишь отчасти.

– Что? – снова переспросил я как дурак.

– Да... – хихикнула Гермiona, – в общем-то вот и все.

Тишина. Я потерял дар речи. Остальные тоже молчали. Десять лет. Больше живот, меньше волос.

– Что с лицом? – спросила она насмешливо. – Для тебя ничего особо и не изменится. Ты и так всю жизнь сидишь за компьютером, только теперь будешь делать это в качестве партнера. Десять лет партнерства – разве что-то изменят?

Она фыркнула, словно от скуки. К пузу и намечающейся лысине добавился образ меня, намертво приросшего к монитору.

– Что ты молчишь? – не унималась она.

Я покачал головой.

– Давайте еще выпьем, – вмешался Чиспи и сам принялся разливать по бокалам, наполнил и мой.

Когда-то при его появлении девушки шушукались и украдкой толкали друг друга локтями. Я взглянул на него так, как не смотрел никогда прежде.

Он был красивым мужчиной, но только сейчас я заметил, как сильно он изменился: Чиспи стоял с бокалом в руке – сутулые плечи, выпирающий живот, волос почти не осталось, зато появился внушительный второй подбородок. На сколько он старше меня? Лет на пять максимум. Точно не больше. Всего-то пять лет! Он работал день и ночь, и жена, устав от такой жизни, недавно от него ушла.

Я взял бокал, чокнулся с кучей людей, потом выпил залпом, опустив глаза, словно оказался не в том месте и не в то время. Хотя это было именно мое место. То самое, которое я мечтал занять с первого дня работы, ради которого выкладывался годами, день за днем.

Каждый раз, когда речь заходит о редющих волосах, я вспоминаю своего дядю Грегори. Кого же еще? Сколько лет прошло с тех пор, как я впервые увидел в его ванной комнате раковину, усеянную черными волосами с проседью? Они падали с головы дяди, а он ходил без очков и не замечал их. А я каждый раз, когда мыл руки, умывался или чистил зубы, приходил в настоящий ужас: эти длинные мертвые волосы, распластанные по розовой керамике раковины, походили на тонкие паучьи лапы. Отвратительное зрелище. Меня буквально выворачивало от увиденного, но, когда тебе нет и одиннадцати, сложно попросить дядю, который великодушно приютил тебя у себя дома, мыть за собой раковину после каждого использования или поручить это прислуге.

Он хотел, чтобы я спал в соседней с ним комнате, поэтому мы пользовались одной ванной. Когда на семейном совете было решено, что я переезжаю к тете Дафне, я выдохнул с облегчением, узнав, что буду делить ванную с прадедом. У прадеда были роскошные усы, а редкие остатки волос на голове он тщательно сбривал. Короче говоря, он был лысый. На всякий случай я уточнил у него, выпадают ли усы, как волосы, – на самом деле меня, конечно же, интересовало, падают ли они в раковину. На что дед возмущенно ответил: «Нет, конечно! Ты что, спятил?»

Впрочем, и в раковине у тети Дафны волос тоже не было – я тайком проверял несколько раз, для собственного успокоения. Она не страдала от облысения, но относилась ко мне как к назойливому чужаку, тогда как в доме у дяди Грегори я никогда не чувствовал себя обузой – совсем наоборот! Дядя всем рассказывал, что для него – сплошное удовольствие учить меня компьютерным премудростям и тайным секретам интернета, даже интереснее, чем играть в хоккей на траве. Когда я собирал вещи к тете Дафне, он сказал, что ему жаль меня отпускать, и подарил мне мой первый компьютер!

Помню, как он стоял в дверях – элегантный, со своими тремя волосинами на голове. Худой, но с животом, почти лысый и такой одинокий. Да, он тоже был одинок. Если бы не вся эта история с волосами в раковине – он был славный малый.

– Марк? – Чиспи размахивал очередной бутылкой шампанского.

– Я здесь, – отозвался я.

Я вернулся к нему в конференц-зал. Он снова наполнил мой бокал. Я осушил его, не в силах выбросить из головы дядю Грегори. Бедняга уже несколько лет страдал от болезни Альцгеймера – будто других напастей ему было мало. Он никого не узнавал, даже слугу, который ухаживал за ним как мать. Меня он, возможно, тоже не узнавал, но при каждом моем визите изрыгал одно и то же проклятие: «Этот подлец Цукерберг украл мою гениальную идею, чтоб его...» – затем мрачнел и с силой бил кулаком по воздуху, а слуга каждый раз вздыхал.

– Где ты витаешь, Марк? – Гермiona выхватила у меня бокал, который Чиспи уже собирался наполнить. – Хватит с тебя на сегодня, – она нахмурилась. – Что с тобой?

Что со мной? Я чувствовал тяжесть в груди, прямо под грудиной, словно я из последних сил карабкаюсь в гору. Впрочем, со мной такое не впервые – я просто устал. Или дело в чем-то другом? Наверное, просто не хватало воздуха, в зале было слишком накурено. Но точно ли причина в этом?

– Мне пора, – я торопливо подхватил папку с документами, чувствуя себя каким-то расплюснутым, плоским и бесформенным. Бестолковой кляксой на листе бумаги – ужасный внутренний дискомфорт. Будто внутри пустота.

Вероятно, мне просто нужно на воздух.

– Я пойду, спасибо.

– Изучишь – и завтра все подпишем, – Чиспи положил руку мне на плечо. – И не забудь, с тебя шампанское! Подпишем и закатим вечеринку, – проговорил он заплетающимся языком, уже совершенно пьяный.

– Завтра днем, – бесстрастно уточнила Гермiona. – В три часа. Запишешь?

– Не надо, запомню.

– Да что с тобой такое? – она с подозрением уставилась на меня. – Что-то не так? Или мне кажется?

Я пожал плечами. Махнул коллегам рукой на прощание. Вежливо распрощался с Чиспи, затем с Гермioniой – та меня проигнорировала. И со своей небесно-голубой папкой под мышкой быстро вышел и почти бегом спустился по лестнице, считая ступеньки, как всегда, когда нервничал. Стремительно вылетел на улицу и остановился на тротуаре, хватая ртом воздух. Я не мог надышаться, как будто только что оставил позади себя собор, готовый вот-вот обрушиться и превратиться в облако пыли и обломков. Будто спасся в последний момент. Казалось, я сам сейчас рухну. Подумать только – я, Марк-Волк, победитель. Отчего же мне так паршиво?

Глава четвертая

К своему удивлению, я обнаружил, что на улице все еще было светло. А я-то думал, что провел в агентстве целую вечность. Когда я зашел туда, было ровно пять – и, по моим ощущениям, сейчас должно быть не меньше девяти вечера. Но нет – всего лишь начало седьмого обычного четверга в середине марта: в витринах музея в конце улицы все еще отражался солнечный свет. Подруга Сьюзан, которая ведет психологическую колонку в журнале, однажды сказала: «Если теряешь чувство времени, значит, внутри что-то пошло не так». Я думал об этом, но так и не понял, что со мной творится, откуда это смятение. И тут вспомнил – сегодня вечером Сьюзан пригласила коллег из редакции к нам на ужин, самых близких, разумеется, включая ту самую психологиню. Сьюзан настаивала, чтобы я тоже был. Говорила, если меня не будет, они заподозрят, что между нами не все гладко, и начнут сплетничать.

– Ты просто обязан прийти, понимаешь?

– Черт, – прошипел я сквозь зубы.

Тут меня и накрыла ярость! Я перешел улицу, выскочил на противоположный тротуар и столкнулся с известным кардиологом, чей кабинет находился в нашем здании. В тот день он шел навстречу в приподнятом настроении, впереди – его собака, мерзкая псина, которая лаяла без умолку и скалила клыки, при каждой встрече норовя цапнуть меня за лодыжки.

– Сегодня уже пытался укусить двух прохожих в сквере за углом, – весело сообщил он, останавливаясь. – Как поживаете?

– Вы же знаете, что я не люблю собак. Дайте пройти... – Пес и его поводок перегородили мне дорогу.

Кардиолог не сдвинулся с места и, внезапно посерьезнев, уставился на меня:

– Простите, но у вас сегодня такой вид... будто вам нехорошо. Я ведь врач и сразу такое вижу. Вам плохо, это очевидно – вы побледнели, напряжены и выглядите измученно. Что-то случилось?

– Все превосходно, спасибо, – процедил я сквозь зубы.

На самом деле он, конечно же, был прав – я чувствовал себя отвратительно.

– До свидания, – пробормотал я, сумев наконец его обойти. И тут, шагая по тротуару, все больше сжимаясь в комок, я увидел ее – мусорную урну. Оглянулся по сторонам – никого, даже кардиолог с псиной исчезли. Быстрым движением, словно избавляясь от улики, я бросил папку в урну. Но та оказалась переполнена, пришлось с силой пропихнуть папку между пустыми бутылками, банками, пакетами и прочим мусором. Я давил на голубую папку с документами изо всех сил, но она все равно торчала наружу – урна отказывалась принимать участие в моем бунте.

– Ничего не хочу знать, – сказал я вслух, обращаясь к урне. – Это тебе, – и, не удержавшись, добавил: – Поняла?

– Мистер Джеймс! Мистер Джеймс!

Кто-то меня заметил.

Стажер из агентства перебежал через дорогу, размахивая чем-то в руке.

– Мистер Джеймс... постойте... вы забыли! – он остановился в метре от меня и протянул руку: – Ваш телефон...

Он запыхался и улыбался так, словно я нарочно разыграл всех, забыв телефон в офисе.

– Мисс Тэтчер сказала, что вы специально его оставили, чтобы вас не доставали по пустякам: хотите подчеркнуть свой новый статус партнера. Мисс Тэтчер так и сказала.

Мисс Тэтчер – так мы называли между собой Гермиону, отдавая дань ее железной хватке.

И правда – мой телефон.

– Надо же, впервые в жизни забыл, – сказал я, будто оправдываясь.

– Так вы не нарочно? Seriously?

– Нет, и правда странно, что забыл, – я глупо улыбнулся и сунул телефон в карман. – Спасибо, что догнал.

И впрямь странно – я никогда раньше не расставался с телефоном. Телефон был продолжением моей руки, вторым после компьютера. Иногда я менял их местами. Ник давно это заметил. И любил повторять, что для него скрипка – это всего лишь инструмент, а вот мой телефон и компьютер для меня – протезы, а не инструменты.

Я никогда особо об этом не задумывался.

– Если бы не догнал вас, принес бы домой. Я... – парень замялся, смущенно теребя край ветровки, – учусь на вечерних курсах, каждый день. Хочу стать таким, как вы. Вы же гений, все так говорят. Не будь вы гением, босс ни за что не взял бы вас в партнеры – так и мисс Тэтчер считает, – он прикусил губу, искоса глядя на меня. – Как думаете, смогу я стать таким, как вы?

– Знаешь, я и сам не хочу быть собой, – вырвалось у меня помимо воли.

Парень остолбенел. Я тоже.

В этот момент я понял, что он заметил папку и узнал ее – то есть прекрасно понял, что происходит. Наши взгляды встретились – в его глазах читалось недоумение. Я смотрел на него вопросительно.

– У вас папка упала... – осторожно начал он.

«Молодец, – подумал я, – деликатность достойная Нобелевской премии».

– Да, упала, – согласился я, но и не подумал вытаскивать ее из мусорки. Просто стоял и смотрел на нее.

Через секунду он не выдержал:

– Что происходит? – спросил он встревоженно.

– Я не могу, – только и выдавил я.

Единственное, в чем я сейчас был странным образом уверен, – я не могу поступить иначе.

– Просто не могу.

– Понимаю, – сказал он, хотя черт его знает, что он там понял, если я сам ничего не понимал.

– Но... – произнес он с беспокойством, – тогда надо затолкать ее поглубже, – и резким движением окончательно утопил голубую папку в недрах мусорной корзины. – Вот так, – он вытер руку о штанину, стирая следы содеянного. – Теперь ее не видно. Правда, если вы передумаете, достать ее оттуда уже не получится.

Он развернулся и побежал было прочь, но вдруг остановился и сделал несколько шагов назад. Я все еще стоял у урны с совершенно пустой головой.

– Мистер Джеймс... – он смотрел на меня с любопытством.

– Да?

– Зачем вы это сделали, если не секрет? – он кивнул на урну.

– Не знаю! – рявкнул я.

– Извините, – пробормотал он, пятясь, словно опасаясь, что я в припадке безумия на него наброшусь.

Именно безумцем я и выглядел – кто в здравом уме выбросит в мусор предложение стать партнером Toys & Bulls?

– И что теперь? – он явно понимал, что в агентство я больше не вернусь. – Куда вы пойдете?

– В музей. Вон туда, – я двинулся с места.

– Зачем вам в музей? – он пошел рядом.

– Хочу посмотреть на челюсть мамонта. Это помогает прояснить мысли.

– Тогда идите, – сказал парень и, прежде чем уйти, еще раз взглянул на меня: – Я ничего не скажу в агентстве.

Я благодарно кивнул в ответ, и мы расстались. Он поспешил в Toys & Bulls. Я – в Плейстоцен.

Не помню, сколько раз в детстве я стоял как завороченный перед челюстью мамонта за музейным стеклом. В дни, когда все шло из рук вон плохо, я прогуливал школу и приходил сюда. Челюсть мамонта утешала меня, напоминая, что нет ничего вечного. От существа, которое когда-то было почти божеством – огромного, мохнатого, внушавшего страх, – осталась лишь кость на подставке.

И правда: если смотришь на то, что двести тысяч лет назад помогало исполинскому зверю пережевывать пищу, плохие отметки, несправедливые учителя, суровость тети Дафны и исчезнувшие неведомо куда родители уже не кажутся такой бедой.

В первый раз меня привез сюда прадед на мотоцикле. Он остановил Долли у музея и сказал, что внутри есть нечто особенное, достойное моего внимания, нечто очень поучительное. Взял меня за руку и своей быстрой походкой повел к витрине с челюстью мамонта. Мы остановились перед ней, и он больше не произнес ни слова. Я тоже молчал. Мы так долго стояли в тишине перед этой желтоватой обветшалой костью, что в конце концов меня охватила невыносимая тоска, и я признался в этом прадедушке – с ним я не стеснялся говорить о своих чувствах.

– Вот как? – сказал он. – А что тогда должен чувствовать этот бедняга, запертый здесь? Этот бедняга, который много веков назад беззаботно пощипывал травку? Ему что, плакать надо? Марк, всякий раз, когда жизнь покажется тебе бессмысленной, приходи сюда – и то, что осталось от мамонта, с тобой заговорит.

И я стал приходить один. Признаться, первое время ничего особенного не происходило. Но однажды меня словно озарило – я вдруг с потрясающей ясностью осознал, насколько ничтожен я со всеми своими проблемами, тревогами и переживаниями перед лицом вечности и насколько, напротив, это существо в витрине было неизмеримо богато Временем. Мне удалось услышать, что оно мне говорит. Или, по крайней мере, я это вообразил – но так убедительно, что с тех пор возвращался сюда всякий раз, когда попадал в переделку.

Еще помню, как в тот первый раз, выйдя из музея, прадедушка взял меня за руку и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

– Ну что, видел это создание? Видел, во что можно превратиться за двести тысяч лет?

И сейчас, стоя у входа в музей, я вспоминал обо всем этом. Разумеется, он был закрыт. В пять вечера двери запирались. Это был второй раз, когда я опоздал. Первый случился много лет назад, в день смерти прадедушки. Тогда я примчался сюда, надеясь каким-то образом отыскать и его след. Но музей был закрыт. Я сел на землю и думал о челюсти мамонта, одиноко покоящейся в темных залах, – это казалось невыносимо грустным.

К тому же у прадедушки хватило бестактности умереть, когда я был в школе, так что его последних слов я не услышал. Когда я спросил тетю Дафну, что он сказал, она поджала губы и процедила сквозь зубы:

– Его последние слова были... – она выдержала долгую паузу, а потом выпалила: – «Идите все к черту... все, кроме Марка».

И произнесла это с такой неохотой, что я понял: она говорит правду. Кроме Марка, сказал он.

Снова и снова прокручивая в голове эти слова, я думал: «Не напрашиваюсь ли сам на то, чтобы меня послали ко всем чертям за то, что я выкинул – в буквальном смысле выкинул в мусор – предложение стать партнером Toys & Bulls? Почему не бегу все исправлять, не мчусь к Гермione с рассказом о потерянной папке? А может, наоборот, раз уж выбросил папку, сле-

довало идти до конца и с легким сердцем послать к черту эти документы, годы, проведенные в оцепенении перед компьютером, где я делал деньги для других и для себя, но всегда с камнем на сердце? Может, именно так и надо было поступить. Тогда идите все к черту. Все, кроме Марка!»

Вечерело, и я представил себя в компании челюсти мамонта в пустынных полутемных залах. От прадеда не было ни следа. Теперь и он погрузился в одиночество веков. Он – с челюстью мамонта. А я?

– Черт возьми... – я сделал глубокий вдох, чувствуя нехватку воздуха.

Взглянул на телефон: пара сообщений и несколько электронных писем. Сообщения от Сьюзан: «Где ты? Куда пропал? Мы скоро садимся за стол». Ах да, ужин с ее закадычными подругами! Уже иду. Скоро буду.

Еще три электронных письма.

Открыл первое. Отправитель: ti_pridurok@gmail.com. Тема: «Ты за это еще заплатишь». Текст с омерзительными подробностями намекал на мои тесные отношения с Чиспи – «Ты же знал, что он педик, да?» – и с этой стервой Гермионой, вот почему тебя взяли в партнеры! «Не орел мой коллега, не орел», – подумал я – поливает грязью, но в лицо сказать боится.

Открыл второе. Почти все то же самое, тоже анонимно. Тема: «Очевидно, я не так хорош в подхалимстве, как ты...» – вот почему ты стал партнером, разъяснял текст, скатываясь от «сукиного сына» к «извращенцу». Из письма также следовало, что как брокер я просто посмешище.

Третье даже цитировать не буду.

Зависть. Никогда бы не подумал. Я мысленно перебрал всех коллег, одного за другим. Вспомнил улыбки, любезности, остроумные шутки, дружеские объятия, похлопывания по плечу. Неужели они все только казались мне порядочными, уравновешенными и приятными людьми? До этого момента я даже не сомневался в том, что они меня уважают и ценят. Может быть, даже восхищаются мной.

Коллег у меня было шестеро, и трое из них – добрые пятьдесят процентов – оказались гремучими змеями. Жуткое разочарование.

Молодец, Марк, браво. Все прекрасно понял.

Я уткнулся лицом в ладони. И тут почувствовал мучительную, горькую злость, но теперь на себя самого, на собственную беспросветную тупость. Или наивность. Или неспособность расшифровывать реальность – прадед сказал бы именно так: «расшифровывать». В том смысле, что я так и не научился понимать, с кем имею дело.

Я еще немного посидел, переваривая все это, потом поймал такси и поехал домой.

Когда я поднялся по лестнице, дверь мне открыл наш индийский помощник, которого Сьюзан приглашала, когда были гости, или когда нужно было вымыть окна, или помочь кухарке с генеральной уборкой на кухне. Он знаком велел мне поторопиться, прошептал, что хозяйка недовольна моим опозданием, что они с подругами уже за столом, и посоветовал переодеться – хозяйка в вечернем платье, и гости тоже.

– Сирик, я забыл о какой-то дате? – спросил я, отдавая ему плащ. Он всегда был в курсе всего.

– Не о дате. Они отмечают новую должность хозяйки. Сегодня днем ее назначили главным редактором журнала.

– Потрясающе! – воскликнул я, быстрым шагом направляясь по коридору. Сирик семенил следом. Просто потрясающе. Она теперь главред, а я меньше часа назад выкинул свою карьеру на помойку. Но в тот момент, по какой-то загадочной причине, которую моя слоновья чуткость не смогла уловить, я понял: я вряд ли захочу вернуться к Гермионе с рассказом о

потерянной небесно-голубой папке. Сюзан получила кресло главреда – это и правда потрясающая новость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.